

Глава 2. Изображение психических аномалий личности.

По характеру психических отклонений личности в данной главе выделены три группы образов. В первую группу входят литературные герои с ситуативно обусловленной психопатологией. Аномальные состояния, чаще всего состояние безотчетного, не подконтрольного сознанию и воле человека страха, являются для них временными, имеющими вполне конкретные либо скоро преходящие («Страхи», «Нервы»), либо более или менее устойчивые причины («Именины», «Скучная история», «Случай из практики»).

Во вторую группу объединены герои с выраженной патологией личности, как правило, маниакального типа («Унтер Пришибеев», «Человек в футляре» и др.). Особенности создания образов этого типа является преобладание условных форм – от гротеска и иронической гиперболы до символически сконцентрированного отражения реалий действительности.

В третьей группе представлены герои, страдающие серьезными психическими расстройствами, обусловленными как особенностями их личности, так и состоянием общества в целом.

2.1 Изображение ситуативно обусловленных психопатических состояний

В этом параграфе анализируется 5 рассказов: «Нервы» (1886), «Страхи» (1888), «Именины» (1888), «Скучная история» (1889) и «Случай из практики» (1898). Хотя все психические феномены, описанные в них, являются временными, ситуативно обусловленными, но их причины, особенности проявления психических аномалий, выход героев из этого состояния заметно различаются. Анализ осуществляется в хронологическом порядке с целью выявить возможную динамику данного типа героев и особенности их изображения в творчестве Чехова.

2.1.1 Нервы

«Нервы» - один из ранних юмористических рассказов Чехова. В основе сюжета лежит комическая ситуация. После спиритического сеанса героем овладевает нервное возбуждение, сопровождающееся нарастающим чувством страха, не имеющего под собой никаких объективных причин. Темнота и одиночество, образы, навеянные спиритическим сеансом, провоцируют игру воображения; обычные предметы: портрет дяди, киот, жук – преобразуются, приобретая зловещий, мистический облик.

Для молодого Чехов, естественника, врача, совершенно чуждого мистицизма, подобный страх представляется до смешного нелепым. Отсюда вытекают и особенности развития сюжета. Вначале герой пытается рассуждать логически, с точки зрения здравого смысла: «привидение – предрассудок, плод умов незрелых»¹⁰⁹, однако, ему не удается убедить себя; становится стыдно: «Черт знает что... Боишься, словно маленький... Глупо!»¹¹⁰ В конце концов, не в силах сопротивляться, он отдается страху, и сам создает цепь комических ситуаций, завершением которых является финальный эпизод, когда утром жена обнаруживает его спящим на сундуке в комнате экономки. Таким образом, страх, приводящий к состоянию кратковременного умопомрачения, когда человек не способен контролировать ни свои чувства, ни свои поступки, впервые появляется в творчестве Чехова в комическом облике, что, безусловно, связано с его фантомной природой.

2.1.2 Страхи

Рассказ «Страхи» состоит из трех обособленных эпизодов. В каждом из них описана реакция героя, наблюдающего совершенно различные, но одинаково странные, не объяснимые рассудком явления, вызывающие в нем ощущение почти мистического ужаса, которое так же, как и в «Нервах», усугубляется наступающей темнотой и одиночеством.

«Мною овладевает страх... Меня охватило чувство одиночества, тоски и

---

¹⁰⁹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 4, с. 12.

¹¹⁰ Там же, с. 13.

ужаса...»¹¹¹

«Я вдруг почувствовал, что я одинок... все звуки... казались уже зловещими, существующими только для того, чтобы пугать мое воображение».¹¹²

«...чувство страха становилось все острее и острее... Наступали потемки, которые меня окончательно смутили...»¹¹³

В отличие от ситуации, описанной в рассказе «Нервы», причина страха героя никак не связана с его настроением, психологическим состоянием, иными словами, этот страх не является плодом его воображения, не носит, следовательно, фантомного характера. Это всего лишь результат невозможности найти логическое объяснение происходящему; пугает то, что непонятно, чего не может и не должно быть при обычном ходе вещей. Но как только такое объяснение находится, страх мгновенно исчезает, логика и здравый смысл разрушают зловещую таинственность явления.

Критик А. А. Измайлов, склонный, как и многие другие критики, отождествлять автора и героя утверждает, что в мировосприятии Чехова не было ничего мистического, и качестве доказательства приводит именно рассказ «Страхи», где два из трех феноменов, вызывающих страх героя (а скорее, с точки зрения Измайлова, самого автора) получают вполне реальное объяснение¹¹⁴.

Сопоставляя страхи героев ранних чеховских рассказов, можно прийти к следующим выводам. В обоих рассказах причины, вызывающие панический безотчетный страх, который можно квалифицировать как кратковременное психопатическое состояние, случайны, локальны, преходящи. Состояние страха крайне непродолжительно, легко преодолевается под влиянием извне. В то же время природа этих страхов различна. В «Нервах» страх носит фантомный характер, является эмоциональной реакцией героя на особую атмосферу спиритического сеанса; в рассказе «Страхи» присутствует реальная гносеологическая причина – непонимание причины необычного на первый взгляд явления.

---

¹¹¹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., Т. 5, с. 187

¹¹² Там же, Т. 5, с. 189

¹¹³ Там же, с. 191

¹¹⁴ Измайлов А. А. Вера или неверие (Религия Чехова) // А. П. Чехов: PRO ET CONTRA/Сост., предисл., общая редакция И. Н. Сухих; послесл., примеч. А.Д. Степанова. СПб.: РХГИ, 2002, с. 878.

2.1.3 Именины

Как уже говорилось выше, Чехов признавал нерасторжимое единство души и тела, считая, что физические недомогания, влекут за собой психические изменения личности, и наоборот. Беременность героини рассказа «Именины» вызывает эмоционально обостренное неадекватное восприятие окружающей, в общем, вполне привычной действительности. Болезненно острое ощущение фальши и пошлости жизни усиливает душевное и физическое напряжение, что приводит в конце концов к истерическому припадку. Процесс этот осуществляется стремительно по нарастающей в течение одного дня именин. Чехов мастерски рисует переходы героини из одного состояния в другое, все более и более болезненное под влиянием, как уже отмечалось, вполне привычных внешних факторов. Если они и раздражали ее прежде, то слегка, не доводя до потери контроля над своими чувствами и поступками: «В прошлые разы обыкновенно, проводив гостей, Петр Дмитрич и Ольга Михайловна начинали прыгать в зале друг перед другом, хлопать в ладоши и петь: «Уехали! Уехали!»»¹¹⁵

Теперь же все воспринимается иначе – как бесконечное, назойливое кружение «мучительных мелочей». Множество ненужных ей людей, суматоха, пустые разговоры, даже звон посуды вызывают у нее сначала скуку, утомление, затем досаду, раздражение, наконец, ненависть и гнев: «Господи, боже мой, - шептала она, - к чему эта каторжная работа? К чему эти люди толкуются здесь и делают вид, что им весело? К чему я улыбаюсь и лгу? Не понимаю, не понимаю!»¹¹⁶

Обостренная чувствительность героини приводит к гиперболизации негативных явлений; она становится необычайно резкой, теряет способность думать логично, категорично и несправедливо судит о людях. А между тем, «все это были обыкновенные, недурные люди, каких много, но теперь каждый из них представлялся ей необыкновенным и дурным».¹¹⁷

Ощущение всеобщей лжи становится навязчивой идеей - ей кажется, что ложь

---

¹¹⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.7, с. 189.

¹¹⁶ Там же, с. 187.

¹¹⁷ Там же, с. 187

повсюду: и в разговорах гостей, и в поступках мужа, и даже в ее собственных словах. Однако ее отношение к гостям - не главная, второстепенная причина драматического исхода ситуации.

Самой болезненной, непереносимой является ложь близкого человека – мужа, реакция на поведение которого становится наиболее сильным стимулом истерического припадка. В начале рассказа героиня случайно подслушала разговор мужа с чужой женщиной, которой он рассказывал то, чем никогда не делился с нею. Этот эпизод дает толчок ревности и подозрительности, ей уже кажется, что муж фальшив во всем. Его равнодушие, насмешливое выражение, даже солидная, генеральская походка начинают вызывать у нее досаду, перерастающую в ненависть. В финальном разговоре-скандале, который завершается истерикой, она бессмысленно жестока и несправедлива к мужу: «Ты меня ненавидишь за то, что я богаче тебя! Ты никогда не простишь мне этого и всегда будешь лгать мне!»¹¹⁸

После потери ребенка к ней возвращается способность рассуждать здраво, и она с ужасом сознает, как мелко и нелепо было то, что привело к такому страшному результату.

Очевидно, что в «Именинах» отражен чеховский взгляд на тесную взаимосвязь духовного и телесного. Беременность вызывает повышенную чувствительность, в состоянии крайнего нервного возбуждения под влиянием определенных внешних факторов происходит искажение окружающей действительности; необыкновенное эмоциональное напряжение, завершающееся истерическим припадком, приводит к преждевременным родовым схваткам и гибели ребенка. Так телесное взаимодействует с психическим.

Однако трагического исхода могло и не быть, если бы, как уже подчеркивалось выше, не влияние внешних причин. Неискренность, фальшь, равнодушие людей, неправда, которая царит в их отношениях – все эти аномалии общества становятся провоцирующим фактором, усугубляющим психопатическое состояние личности. Эта тема более подробно будет рассмотрена в следующей главе.

---

¹¹⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.7, с. 192

2.1.4 Скучная история

Повесть «Скучная история» вызвала огромное количество откликов у современной писателю критики. К сожалению, далеко не все смогли понять и правильно оценить это произведение. Так, один из самых известных критиков-современников писателя Н.К. Михайловский, до этого довольно сурово отзывавшийся о рассказах Чехова, анализируя повесть, даже хвалит автора за главную мысль – тоску по «общей идее». Однако при этом отмечает, что «общей идеи» нет у героя по одной простой причине – ее нет у самого Чехова¹¹⁹. Еще более скептичен и даже груб Лев Шестов, который также считает, что «Скучная история» носит автобиографический характер, а герой ее – психически ненормален, как и сам Чехов.¹²⁰

Вообще тенденция отождествлять автора с героем характерна для многих критиков и, как показывает практика, совершенно не плодотворна. Чехов по этому поводу писал: «Если Вам подадут кофе, то не старайтесь искать в нем пива. Если я преподношу Вам профессорские мысли, то верьте мне и не ищите в них чеховских мыслей».¹²¹

В основе психопатического состояния профессора из «Скучной истории» лежит, как и в ранних рассказах, страх, имеющий, правда, совершенно иную природу, иные корни. Профессор неизлечимо болен и знает, что скоро должен умереть.

«Мне отлично известно, что проживу я еще не больше полугода; казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробных потемках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон. Но почему-то душа моя не хочет знать этих вопросов, хотя ум и сознает всю их важность. Как 20-30 лет назад, так и теперь, перед смертью, меня интересуется одна только наука».¹²²

Служение науке всю сознательную жизнь было смыслом существования профессора. И теперь, на пороге смерти, он декларативно заявляет о своей преданности науке,

---

¹¹⁹ См. Михайловский Н. К. Об отцах и детях и о г–не Чехове.//А.П. Чехов: PRO ET CONTRA, с.80-92.

¹²⁰ См. Лев Шестов. Творчество из ничего// А.П. Чехов: PRO ET CONTRA, с.569-570.

¹²¹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.3, с. 266.

¹²² Там же, с. 263.

словно ничего не изменилось, словно мысль о смерти никак не влияет на его душевное состояние – «душа моя не хочет знать этих вопросов». Однако очень скоро он понимает, что это совсем не так. Постепенно через физическую немощь, проникает в его душу страх смерти и ощущение собственной ненормальности. Впервые эти чувства вызываются бессонницей: «Не спать ночью – значит, каждую минуту сознавать себя ненормальным». ¹²³ Далее начинается неуправляемая разрушительная работа мысли, совершающаяся на фоне постоянно нарастающего страха смерти: «...вероятно, оттого, что не спал ночью, странные, ненужные мысли овладевают мной»¹²⁴.

Эти «странные, ненужные мысли» приводят к пересмотру мировоззренческих основ. Он осознает, что служение науке, пусть искреннее, преданное, было своего рода футляром, отгораживающим его от сложности и многообразия мира. Естественно поэтому, что «при такой бедности достаточно было серьезного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств, людей, чтобы все то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чем видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья». ¹²⁵ Самым страшным открытием становится понимание того, что «во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое». ¹²⁶ Очевидно, что наука, преданность которой профессор декларирует в начале повести, не может быть «общей идеей». Наука – всего лишь систематизированная сумма знаний о мире. Ни в ней самой, ни в служении ей нет чего-то очень важного, а именно того, что сам профессор смутно определяет как «бог живого человека».

Крушение прежней системы взглядов, осознание своей ущербности приводит к иному восприятию мира, людей; возникает дистанция между героем и его семьей: «У меня такое чувство, как будто когда-то я жил дома с настоящей семьей, а теперь обедаю в гостях у не настоящей жены и вижу не настоящую Лизу»; ¹²⁷ меняются акценты: «прежде ненавидел насилие и произвол, а теперь ненавижу людей, употребляющих насилие». ¹²⁸ Эти изменения чрезвычайно показательны. Страх смерти и пересмотр

---

¹²³ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 7, с. 254.

¹²⁴ Там же, с. 255.

¹²⁵ Там же, с. 307.

¹²⁶ Там же, с. 307.

¹²⁷ Там же, с. 278.

¹²⁸ Там же, с. 282.

жизненной позиции не просто вызывают отчуждение в семье, теперь профессор смотрит на жену и дочь другими глазами – и не узнает их. И это естественно, потому что раньше они воспринимались им отвлеченно, просто как члены семьи, а теперь для него открылись живые люди со своими личностными особенностями, о которых он до этого не подозревал. То же происходит в сфере идей: абстрактная ненависть к «насилию и произволу» сменяется живым чувством, которое испытывает каждый нормальный человек, видящий перед собой другого человека, «употребляющего насилие». Только теперь, перед смертью, «происходит прозрение героя, и он начинает видеть то, что было скрыто от него до сих пор».¹²⁹

Со временем болезнь прогрессирует, страх смерти усиливается. Профессор становится брюзглив и равнодушен к переживаниям других (страданиям дочери, метаниям Кати), а «равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть».¹³⁰

Обычно в критике анализировался только образ профессора, но в повести много других персонажей, с которыми у главного героя много общего, что постепенно раскрывается в сюжете. Так, для сослуживца профессора, прозектора, единственно важное в жизни дело – наука, т.е. и он ведет своего рода футлярное существование. Жена и дочь так же равнодушны к профессору, как и он к ним; обе заняты своими проблемами и практически не обращают внимания на его физические и душевные страдания. Общее недовольство жизнью, склонность к брюзжанию роднят его с Катей.

Профессор находится в центре системы персонажей, составляющих единую группу духовно родственных людей, лишенных «общей идеи». Разница лишь в том, что большинство даже не подозревает о своей ущербности; профессор понимает это только перед смертью, когда изменить уже ничего нельзя; Катя стремится, но не в состоянии обрести то, что профессор называет «общей идеей», самостоятельно.

Позднее прозрение, тоска по «общей идее» усиливают естественный для человека страх смерти, лишают профессора душевного равновесия. Ситуация, в которой он находится, безысходна, и не только по биологическим причинам, но и потому, что перед

---

¹²⁹ Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982, с. 69.

¹³⁰ Чехов А.П. ПСС в 18 тт., т. 7, с. 306.

смертью он осознает, что не понял чего-то очень важного, без чего жизнь каждого человека становится существованием, служением - чем угодно, но не истинной жизнью.

2.1.5 Случай из практики

В позднем рассказе «Случай из практики» также реализуется положение Чехова о связи между телесными и душевными болезнями. У богатой наследницы фабрики Лизы сердцебиение, бессонница, физическая слабость. К ней приглашают врача, который причину недомоганий видит в душевной смуте, тревоге и растерянности девушки. Несмотря на то, что у нее миллионы, она одинока, живет «точно в остроге», одним словом, лишена и внешней, и внутренней свободы, постоянно испытывает чувство безотчетного страха: «мне страшно, потому что так должно и иначе быть не может».¹³¹ Страх ощущается ею как закон жизни, противиться которому невозможно.

Врач пытается найти причины ее нервного расстройства во внешних условиях и приходит к выводу, что болезненное состояние Лизы вызвано болезненным, нелепым, ненормальным устройством фабричной жизни. На фабрике он «смотрел как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустранима, и все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимых болезней».¹³²

«Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, ...и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают... Ляликова и ее дочь (Лиза) несчастны, ...живет в свое удовольствие только одна Христина Дмитриевна (гувернантка)».¹³³

Глядя на фабрику, доктор думает о «дьяволе», о неведомой «таинственной силе», «логической несообразности», направляющей помимо воли людей ход вещей. Доктор не склонен к мистицизму, дьявол для него – лишь образ, символизирующий эту силу, которой подвластны все – и слабые и сильные. Фабрика находится во власти дьявола, свет окон кажется его глазами, а тяжелый гул машин - его голосом, разрушающим

¹³¹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 10, с. 83

¹³² Там же, с. 80.

¹³³ Там же, с. 81.

покой людей - неудивительно, что по ночам Лиза видит странные тени. Дьявол – сила, противостоящая Богу, от Бога – законы жизни, так что ассоциация фабрики с дьяволом свидетельствует о том, что все, что происходит на заводе, ненормально, противоестественно. Именно это и порождает болезнь Лизы.

Таким образом, можно сделать вывод, что физическая болезнь Лизы развивается под влиянием душевного расстройства, порождаемого внешними условиями. Единственный способ излечиться – бегство. Но поскольку это невозможно, доктор «лечит» ее не лекарством, не медицинскими советами, а простым ласковым словом, отлично понимая, что помочь он ей не может, поскольку не в его силах устранить причины, вызвавшие болезнь.

Выводы

Обобщая проанализированный материал, следует сказать, что в большинстве рассказов причиной нарушения душевного равновесия является чувство страха. Природа страха чеховских героев разнообразна, однако, можно отметить, что в ранних рассказах («Нервы», «Страхи») причины, вызвавшие страх, случайны (а в «Нервах» и вовсе фантомны), локальны, поэтому нарушение душевного равновесия кратковременно, быстро проходит и не накладывает серьезного отпечатка на личность героя.

В более поздних рассказах картина иная. Психопатологическое состояние вызвано устойчивыми закономерными причинами: у профессора из «Скучной истории» – это болезнь и приближающаяся смерть. Его психологическое состояние приводит к необратимым мировоззренческим сдвигам, к осознанию невозможности обрести «общую идею», которая свела бы в единое целое разрозненные мысли, представления, ощущения. Причина нездоровья Лизы, героини рассказа «Случай из практики», также стабильна и закономерна, но лежит в иной плоскости, коренится в уродливых социальных отношениях.

Известное чеховское положение о неразрывности души и тела, духовного и физического - при изменении либо нарушении функций одной из сторон личности,

неизбежно нарушаются функции другой - художественно разрабатывается и в «Скучной истории», где болезнь тела становится причиной страха и утраты душевного покоя, и в «Случае из практики», когда происходит обратный процесс: изменения в психике – безотчетная тоска и страх – порождают физические недомогания. Несколько особняком стоит рассказ «Именины». Героиня его не больна, она беременна. Но известно, что состояние беременности, с одной стороны, меняет физические функции женского организма, с другой – обостряет эмоциональное восприятие окружающей действительности. Взвинченное, раздраженное состояние героини, переходящее в истерический припадок, отчасти объясняется именно ее беременностью. Но только отчасти, поскольку здесь, как и в других случаях, процесс этот происходит не изолированно, а при вмешательстве и сильном влиянии окружения, устройства жизни в целом.

Суммируя сказанное, следует отметить, что мотив страха как основы психопатологического состояния трансформируется на разных этапах творчества Чехова: от фантомных либо реальных, но случайных, локальных причин, вызывающих кратковременное нарушение душевного равновесия, Чехов переходит к глубинным масштабным причинам биологического либо социального характера, формирующим устойчивые психопатические состояния, выход из которых достаточно затруднен. Другим аспектом этой проблемы у позднего Чехова является взаимовлияние деформаций психического и физического в человеке под воздействием внешних неблагоприятных факторов.

2.2 Изображение психопатологии личности

В этом параграфе исследуется другой тип психопатологии, встречающийся в рассказах «Случаи “*mania gradiosa*”» (1883), «Смерть чиновника» (1883), «Унтер Пришибеев» (1885), «Страх» (1892), «Крыжовник» (1898) и «Человек в футляре» (1898). В каждом из этих рассказов герой одержим навязчивой идеей, или иначе манией. Иногда это мания величия, но в большинстве случаев - мания преследования двух разновидностей: навязчивое стремление преследовать, с одной стороны, и страх перед преследованием – с другой. В данном параграфе сначала анализируется мания

преследования первого типа в рассказах «Случаи “mania gradiosa”» и «Унтер Пришибеев», а затем второго типа в «Смерти чиновника», «Страхе» и «Крыжовнике». Наконец, в последнем рассказе «Человек в футляре» в одном герое соединяются оба типа маниакальности, представлен своеобразный психопатологический феномен – «преследуемый преследователь».

Эти рассказы создаются в течение пятнадцати лет; поэтика, безусловно, меняется. В ранний период творчества Чехов часто прибегает к изображению комических ситуаций, использует гротеск, иронию; его герои одержимы какой-либо идеей-фикс, производной от их социальной функции. В поздних рассказах комизм исчезает; природа маниакальности исследуется глубже – на психологическом, нравственно-философском уровнях.

2.2.1 Случаи “mania gradiosa”

Рассказ «Случаи “mania gradiosa”» представляет собой небольшую галерею портретов героев, страдающих манией величия. Причиной подобных нервных расстройств, с точки зрения Чехова, является цивилизация: «В Америке и Европе на каждом шагу вы встретите все виды нервных страданий,... причину которых нужно искать только в цивилизации»¹³⁴. Под «цивилизацией» в данном контексте Чехов понимает характер устройства западного, и в частности российского, общества конца XIX века, общества, «весьма далекого от истинной цивилизованности».

Все четыре героя страдают манией величия и одновременно манией преследования. Их комические, шаржированные портреты предвосхищают будущие чеховские типажи. Так, отставной капитан и отставной урядник являются прообразами унтера Пришибеева, в вымогателе акцизном можно увидеть некоторые черты Беликова, а в образе интенданта угадываются черты Николая Ивановича героя рассказа «Крыжовник».

Первый персонаж, отставной капитан, бывший становой, одержим идеей-фикс «сборища воспрещены». Создавая этот образ, Чехов прибегает к гротеску: запрещаются

---

¹³⁴ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 2, с. 299.

не только сборища людей, но и растений (лес), животных (стадо), т.е. всему живому воспрещается собираться на его земле. Отставной капитан становится в одном лице и законодателем, и судебным исполнителем.

Лейтмотивом образа отставного урядника является его социальная функция, да и та укоренилась в больном создании в усеченном виде – сажать под арест. Используя прием гротеска, Чехов доводит манию этого героя до полного абсурда: «Он сажает в сундук кошек, собак, кур и держит их взаперти определенные сроки. В бутылках сидят у него тараканы, клопы, пауки. А когда у него бывают деньги, он ходит по селу и нанимает желающих сесть под арест»¹³⁵. Любое существо, способное передвигаться, является его потенциальным арестантом. Абсурдность ситуации заключается в том, что арестант - не преступник, а тюремное заключение не выполняет функции наказания. Все это он делает без всякой видимой причины, направляемый исключительно своей навязчивой идеей. В результате его жизнь сводится к примитивной формуле: поймать – посадить – отпустить.

Акцизный, пострадавший от газетчиков, неумоимо ищет «предосудительное» во всех газетах и старательно «вымарывает» все, что, с его точки зрения, вредит общественному мнению. После этого он всегда «чувствует себя здоровым впредь до получения нового номера». В образе акцизного отчетливо проступают черты Беликова, поскольку идея предосудительности является доминантой больного сознания «футлярного человека».

Интендант – прообраз героя рассказа «Крыжовник». Своей маниакальной скупостью он напоминает Николая Ивановича до покупки поместья - «кушает гнилые сухари и носит бумажные подметки»¹³⁶. Таким образом, шаржированные портреты, рассказа «Случаи “mania grandiosa”», представляют собой эскизы будущих персонажей, одержимых идеей-фикс.

По сути, внутренний мир героев этого рассказа редуцирован до уродливо искаженной социальной функции, что является весьма характерным проявлением

---

¹³⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 2, с.299-300.

¹³⁶ Там же, с. 300.

маниакальности, а именно – мании преследования в различных ее вариациях. Каждый герой сам создает закон – искаженное отражение закона государственного, а его исполнение становится навязчивой идеей.

2.2.2 Унтер Пришибеев

Всего лишь через два года Чехов создает ставший нарицательным образ унтера Пришибеева. Несмотря на то, что по жанру рассказ «Унтер Пришибеев» представляет собой комическую сценку, эскизность в изображении героев, характерная для «Случаев “*mania grandiose*”», сменяется достаточно глубокой проработкой образа. Это достигается за счет введения предыстории и описания пятнадцатилетних притеснений односельчан Пришибеевым. Рассказ приобретает обобщающее значение, отражая один из важных аспектов общественно-политической ситуации в России того времени. Это было отмечено и цензурой, дважды запрещавшей публикацию рассказа: «Статья эта принадлежит к числу тех, в которых описываются уродливые общественные формы, явившиеся вследствие усиленного наблюдения полиции. По резкости преувеличения вреда от такого наблюдения статья не может быть дозволена»¹³⁷. В этом фрагменте цензор признается, что «уродливые общественные формы» действительно существуют, так что фигура унтера Пришибеева имеет реальные прототипы в государственной системе российской империи конца XIX века.

Маниакальность Пришибеева также связана с его социальной функцией – по службе до выхода в отставку он должен был следить за исполнением различного рода государственных постановлений. Пришибеев попадает в суд вследствие того, что считает себя единственным в селе человеком, знающим, что такое закон, и призванным его блюсти. Следует заметить, что так же, как и герои-предшественники, Пришибеев толкует закон достаточно вольно, поэтому, чтобы проанализировать особенности его мании, первоначально нужно выяснить, в чем сущность пришибеевского «закона».

По свидетельству односельчан и словам самого отставного унтера, ряд запрещений, основанных якобы на противозаконности действий, создан самим Пришибеевым: «Намеднись по избам ходил, приказывал, чтоб песней не пели и чтоб огней не жгли.

---

¹³⁷ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 4, с. 482.

Закона, говорит, такого нет, чтоб песни петь»; «По какому полному праву тут народ собрался?»¹³⁸. Как видно, эти законы далеко не государственные. Государство создает закон, чтобы упорядочить общественные отношения, но в рамках любого закона люди обладают относительной свободой действий – что не запрещено, то разрешено. У отставного унтера все получается наоборот: в его сознании закон наполняется совершенно иным содержанием – что не разрешено, то запрещено: «Нешто в законе сказано, чтоб народ табуном ходил?», «Где это в законе написано, чтобы народу волю давать?»¹³⁹.

Унтер Пришибеев берет на себя три государственные функции: законодательную, фискальную и судебно-исполнительную¹⁴⁰. Он считает, что знает порядки лучше, чем другие, даже чем урядник и судья: «Никто порядков настоящих я не знает, ... только я один... все порядки знаю-с»¹⁴¹. Здесь он выступает как носитель закона. Далее, с утра до ночи он следит за односельчанами, тщательно фиксируя все их «проступки» - так реализуется его фискальная функция. Наконец, он выступает и как судебный исполнитель, считая себя вправе наказывать народ по своему усмотрению: «Стал расталкивать народ, чтоб расходились по домам, приказал сотскому гнать взашей...», «езде он кричит, шумит, все порядки вводит».¹⁴²

Культ закона, понятого как жесткая регламентация поведения людей, полностью лишенных свободы выбора, отождествление себя с законом является проявлением мании величия этого героя. В свою очередь, мания величия порождает манию преследования, в которой реализуются добровольно принятые на себя социальные функции. Таким образом, особенностью психического расстройства Пришибеева является двойная маниакальность.

Через тринадцать лет после «Унтера Пришибеева» Чехов создает образ футлярного человека Беликова. В нем мы видим углубление и развитие социально-

---

¹³⁸ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т. 4, с. 121.

¹³⁹ Там же, с. 121, 122

¹⁴⁰ См. Красикова Е. В. «Случаи *mania grandiosa* в творчестве А.П. Чехова. - Межвузовская научно-методическая конференция «Русская филология и методика преподавания русского языка», факультет русского языка и литературы, Тамканский университет, Тайбэй, 2005, с. 102

¹⁴¹ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.4, с. 122.

¹⁴² Там же.

психологического типа, представленного в образе отставного унтера. Но в отличие от уверенного в себе Пришибеева, Беликов одержим страхом перед действительностью; а в отличие от односельчан Пришибеева, открыто выступающих против него на суде, коллеги Беликова подавлены страхом. Пришибеев несет заслуженную кару – попадает на месяц под арест, ему ясно, что «мир изменился». Напротив, в финале «Человека в футляре» подчеркивается неистребимость, едва ли не вечность психопатического типа «преследуемого преследователя».

2.2.3 Смерть чиновника

В рассказе «Смерть чиновника» изображен другой тип мании преследования. Его герой мелкий чиновник Червяков является потомком гоголевского Акакия Акакиевича¹⁴³. Но если в «Шинели», безусловно, присутствует авторское сочувствие герою, то у Чехова преобладает ирония, ведь причина смерти Червякова – самоуничтожение, т.е. он терпит притеснение не от других, а от самого себя.

Маленький трагифарс начинается с мелочи – с чихания. Чехов с легкой иронией замечает: «Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики и полицмейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают»¹⁴⁴, т.е., с точки зрения физиологии, все люди равны. Но когда дело касается социальной иерархии, все меняется. Чин в социальной психологии выполняет функцию лупы, он может увеличивать значимость человека, его слов и поступков, и наоборот. Поэтому ничтожный случай – чихание, затрагивающий персону генерала, в глазах Червякова становится из ряда вон выходящим событием, а равнодушие высокопоставленного чиновника к его извинениям – смертельным ударом.

Стремительно нарастает страх перед гипотетическим наказанием: «Его начало помучивать беспокойство»; «Забыл, а у самого ехидство в глазах...»; «Надо ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел!»¹⁴⁵. Под влиянием страха искажается картина мира, утрачивается адекватность восприятия: незначительные, мелкие детали гиперболизируются.

¹⁴³ Бялый Г. А. Антон Павлович Чехов // История русской литературы XIX века: Вторая половина, с. 557

¹⁴⁴ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.2, с. 164.

¹⁴⁵ Там же, с.164-166.

Если сравнить реакцию Червякова с реакцией его жены, то можно прийти к интересному выводу. «Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она... испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась»¹⁴⁶. Очевидно, что в сознании жены Червякова существует понятие чинопочитания, но соотносится оно только со «своим» генералом. В ее восприятии проявляется распространенный в обществе того времени социально-психологический стереотип; реакция же Червякова гиперболизирована до крайней степени, но в принципе не фантастична, поскольку представляет собой утрированную форму реально существующих отношений.

Однако социальный фон – лишь почва, на которой возможно формирование мании преследования, доводящей героя до смерти. Другая непосредственная причина ее развития коренится в особенностях его психологии – в ощущении своего ничтожества и, как следствие, постоянного самоуничужения. На трех страницах герой извиняется за чихание пять раз! Каждое извинение – новая ступень самоуничужения, каждое извинение – проявление мании преследования.

Название рассказа показывает, что умирает «чиновник», а не Червяков, так как в рассказе показано обобщенное явление, распространенное в среде мелких чиновников, а не единичный случай. Поэтому здесь можно говорить не только об аномалии личности, но и об аномалии общества.

2.2.4 Страх

Рассказ «Страх», написанный в 1892 году, отделен от предыдущих значительным временным интервалом. За это время значительно изменилась поэтика: исчезают комические эффекты, легкая ирония. Страх героя рассказа Силина перед жизнью показан как личная драма. Повествование ведется от лица его друга, который обеспокоен состоянием Силина, сочувствует ему: «Я видел в нем не хозяина и не агронома, а только замученного человека»¹⁴⁷, - но все же не может проследить все нюансы его ощущений. Поэтому особое значение для понимания психологического

---

¹⁴⁶ Чехов А. П. ПСС в 18 тт., т.2, с.165.

¹⁴⁷ Там же, т.8, с. 127.

состояния героя приобретает его монолог, основное содержание которого – признание своего «страха»: «Я болен боязнью жизни»; «Мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться. Я не способен различать, что в моих поступках правда и что ложь, и они тревожат меня... и мне страшно от мысли, что я до самой смерти не выберусь из этой лжи»¹⁴⁸.

Обыденность и ложь, отсутствие нравственных критериев в нем самом и в окружающей его действительности – это в восприятии Силина пугающее, безобразное лицо жизни. Тему отвращения к обыденности и лжи можно встретить во многих произведениях Чехова, например, в «Именинах», в «Даме с собачкой». Но рассказ «Страх» отличается как раз тем, что основное чувство, которое вызывает обыденность, - не отвращение, а именно страх: «Я... не понимаю людей и боюсь их»¹⁴⁹. Причем страх носит у Силина всеобъемлющий характер, поскольку он боится всех людей, независимо от их социальной принадлежности: от представителя петербургского светского общества до простого крестьянина. Итак, первая причина маниакального страха героя – отвращение к обыденности; другая – неспособность понять чувства других людей, характер их взаимоотношений.

Самой тяжелой мукой для Силина, как это ни парадоксально, является его счастливая семейная жизнь: «Безнадежная любовь к женщине, от которой имеешь уже двух детей! Разве это понятно и не страшно? Разве это не страшнее привидений?»¹⁵⁰.

Страх Силина порожден обыденностью, поэтому он боится жизни, людей и даже самого близкого человека. Следствием страха становится стремление к бегству, изоляции: он бежит из Петербурга в деревню; меняет работу, на которой нужно часто общаться с людьми, на физическую работу в деревне, хотя сама по себе она ему совсем не интересна: «мне было ясно, что никакого хозяйства ему не нужно, а нужно, чтоб день прошел – и слава богу»¹⁵¹.

Анализируя этот рассказ, В. Я. Линков пишет: «Для обособленного человека

---

¹⁴⁸ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт. Т.8, с.130,131.

¹⁴⁹ Там же, с. 131

¹⁵⁰ Там же с. 133.

¹⁵¹ Там же, с. 127.

окружающий мир представляется чуждым, он не видит в нем связей и закономерностей, что неотделимо от восприятия собственного существования как случайного, лишённого всякого смысла»¹⁵². Критик считает, что обособление героя является «следствием», а причина в том, что Силин не может увидеть внутренние закономерности жизни, поэтому ему страшно, и этот страх приводит к самоизоляции. Силин представляет собой тип героя, лишённого внутренней свободы. Он ведет замкнутую жизнь, сознательно избегает людей и, пожалуй, можно предположить, что это своего рода прообраз беликовского «футляра». Как и Червяков в «Смерти чиновника», Силин страдает манией преследования второго типа, хотя природа его страха совсем иная.

В «Страхе» всего четыре персонажа: Силин, его жена, его друг (рассказчик) и Гаврила Северов. Последний персонаж, на первый взгляд, как бы выпадает из системы. У него странное прозвище - Сорок Мучеников – намек на тяжелую судьбу. Но если сравнить его с Силиным, то можно заметить, что они одновременно сопоставлены и противопоставлены друг другу. У них различный социальный статус: у Силина есть и деньги, и дом, и семья; у Сорока Мучеников нет ничего. Но в то же время оба они мученики. В конце рассказа, когда атмосфера страха максимально сгущается, неожиданно появляется пьяный Сорок Мучеников и кричит: «Я человек вольный!»¹⁵³. В этой концовке проступает горькая ирония: ощущение временной свободы от страданий, боли и страха дает человеку только опьянение, но оно проходит, и все возвращается в прежнее состояние.

«Страх перед жизнью», описанный в этом рассказе, современный Чехову критик А. С. Долинин считает отражением переживаний самого автора: «Это его собственный страх перед жизнью, ... в которой ему дано от природы видеть и понимать только звенья, а не цепь – не связь между ними»¹⁵⁴. Не только Долинин, но и И. В. Джонсон, Д. С. Мережковский, М. Неведомский – критики разных направлений отождествляют мысли и чувства Силина с личностью автора. С подобной ситуаций мы уже сталкивались, анализируя «Скучную историю», и приводили письмо Чехова в доказательство

---

¹⁵² Линков В. Я. Проблема отчуждения человека у Чехова // Художественный мир прозы А. П. Чехова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982, с. 82.

¹⁵³ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 8, с. 138.

¹⁵⁴ Долинин А. С. О Чехове // А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 954

несогласия с такой критикой. Известный современный чеховед В.Б. Катаев, напротив, считает, что «у Чехова нет героев, которых безоговорочно можно назвать выразителями авторских взглядов, авторского смысла произведения. Смысл этот складывается из чего-то помимо и поверх высказываний героев»¹⁵⁵.

2.2.5 Крыжовник

В образе Николая Ивановича Чимши-Гималайского соединились и мания величия, и оба типа мании преследования. С детства он мечтал о деревенской жизни: «...кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самого смерти будет потягивать на волю»¹⁵⁶. Эта романтическая мечта о свободной жизни на природе со временем дегенерирует и превращается в неодолимую тягу к собственному клочку земли – деревенской усадьбе. Как подчеркивает Г.А. Бялый, «его собственническая идея отдает маниакальностью»¹⁵⁷, образ «крыжовника» становится воплощением навязчивой идеи.

Чтобы осуществить мечту, «жил он скупой: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий»¹⁵⁸, даже его жена «стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу»¹⁵⁹, т.е. он преследует и себя, и другого человека. «Юношеские мечты, горячие стремления... - все было подавлено всепоглощающей мыслью о личном существовании, страхом за эту жалкую жизнь, боязнью перед неведомым – «как бы чего не вышло»¹⁶⁰. Используя эту цитату из рассказа «Человек в футляре», критик А.И. Богданович указывает на общность двух героев – страх перед жизнью. Но не только это объединяет их: собственное поместье Николая Ивановича – своего рода «футляр», в который он добровольно заключает себя, ограждая от внешнего мира.

---

¹⁵⁵ Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX-XX веков: Учебное пособие для поступающих в вузы, С. 444

¹⁵⁶ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т.10, с. 58.

¹⁵⁷ Бялый Г. А. Антон Павлович Чехов // История русской литературы XIX века: Вторая половина, с.588

¹⁵⁸ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 10, с. 59

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Богданович А. И. Критические заметки // А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 264

Жизнь в поместье влияет на характер героя. Несмотря на то, что Николай Иванович больше не «притесняет» себя физически, хорошо питается и одевается, его жизнь целиком замкнута в границах усадьбы, внутренне устройство которой также свидетельствует о стремлении к ограниченному, замкнутому пространству: «Везде канавы, заборы, изгороди, понасажены рядами елки, - и не знаешь, как проехать во двор». Этот крошечный мир заменил для него все многообразие живой жизни, и в этом мире он царь и бог – формируется мания величия. Поместье стало называться его именем – Чумбароклова Пустошь, Гималайское тож; обращаться к нему должны не иначе как «ваше высокоблагородие»; соответственно изменились поведение и речь: «Когда-то в казенной палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр»¹⁶¹. В описании внешности чувствуется злая ирония: Николай Иванович стал похож на свинью. Портретная характеристика имеет и более глубокий смысл - он не только выглядит как свинья, но и ведет животное существование, целиком лишенное духовности и внутренней свободы.

Между тем, по словам рассказчика, явно выражающего авторскую позицию, «человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа»¹⁶², следовательно, жизнь, замкнутая усадьбой, – смерть души.

Итак, в «Крыжовнике» мы видим, как тяготение к свободе, своеобразно трансформировавшись, в конечном итоге приобрело маниакальные формы. Перерождение мечты привело к исчезновению свободы, осталась только биологическая жизнь тела и мертвая душа. Но в отличие от двух предыдущих случаев, Николай Иванович наслаждается этой жизнью, счастливо существует в своем поместном «футляре».

Иван Иванович, брат Николая Ивановича, рассказывает эту историю страстно, с горечью и болью, но его слушатели относятся к рассказу холодно: «Слушать... про

---

¹⁶¹ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 10, с. 60

¹⁶² Там же, с. 58.

беднягу-чиновника, который ел крыжовник, было скучно. Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин»¹⁶³. Жизненная драма – деградация личности – не трогает их, оставляет равнодушными. И эта тема разобщенности и равнодушия людей является одной из центральных в творчестве позднего Чехова.

2.2.6 Человек в футляре

Рассказ «Человек в футляре» написан в 1898 году. Образ Беликова на протяжении более ста лет привлекает внимание критиков. И это не случайно, в образе главного героя, в поэтике произведения в целом, в развитии ряда мотивов и художественных образов, определявших творческую индивидуальность писателя в предшествующий период, Чехов достиг совершенства.

Начнем анализ рассказа с символического образа «футляра». Своеобразие его состоит в том, что он формируется рядом деталей, каждая из которых представляет собой часть футляра, ограждающего Беликова от опасных, с его точки зрения, воздействий внешнего мира. На улице он постоянно в галошах, в пальто, с зонтиком, в очках; дома тоже непременно в футляре - халат, колпак, закрытые ставни, задвижки; даже у ножа, очков есть футляр. «У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге»¹⁶⁴, неудивительно поэтому, что лейтмотивом его образа стала фраза «как бы чего не вышло».

Однако символическое значение образа «футляра» шире и глубже. Беликов окружает себя не только физической оболочкой-щитом, он и мысль свою старается запрятать в «футляр». Как и Пришибеев, он помешан на идее неукоснительного следования закону. Но понимают они закон по-разному: «Для Пришибеева закон – минимальный набор разрешенного, а что не разрешено, то запрещено и, следовательно, подсудно и наказуемо. Для Беликова идеальный закон – максимальный набор

---

¹⁶³ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 10, с. 65.

¹⁶⁴ Там же, с. 43.

запрещенного»¹⁶⁵ («для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь»¹⁶⁶). Очевидно, что это проявления маниакального страха перед действительностью, перед «жизнью, не запрещенной циркулярно, но и не разрешенной вполне»¹⁶⁷. Таким образом, запреты также представляют собой «футляр», защищающий Беликова от любых случайностей и неожиданностей. Свободным людям не нужна подобная защита, они живут по законам природы и общества и не нуждаются в дополнительных ограничениях. Беликов же лишен такой свободы, и закон-запрет становится его внутренним «футляром».

Но и этим не исчерпывается символическое значение образа. Не только свои, но и чужие мысли он пытается запрятать в «футляр». Постоянно живущий под гнетом страха, Беликов становится как бы генератором страха для коллег и горожан: «Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять – пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...»¹⁶⁸. В отличие от Пришибеева Беликов распространяет атмосферу страха на целый город, все подчиняются его «закону». Таким образом, в этом персонаже соединяются два типа мании преследования, Беликов – «преследуемый преследователь», т.е. тип человека, одержимого навязчивой идеей («как бы чего не вышло») и в соответствии с этой идеей становящегося преследователем других.

Особое место в системе персонажей занимают сестра и брат Коваленки. Помимо важной роли в развитии сюжета, их образы создают яркий контраст между мироощущением свободного (нормального, по Чехову) и несвободного человека. Они энергичны, умеют радоваться жизни, а главное – лишены чувства страха, сковывающего обывателей города. С точки зрения учителя Коваленко, атмосфера в этом городе «удушающая, поганая», учителя становятся чиновниками, школа – полицейской будкой, под контролем которой давно привыкли жить горожане.

---

¹⁶⁵ Красикова Е. В. Случаи *mania grandiosa* в творчестве Чехова. - Межвузовская научно-методическая конференция «Русская филология и методика преподавания русского языка», факультет русского языка и литературы, Тамканский университет, Тайбэй, 2005, с.104

¹⁶⁶ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 10, с. 43.

¹⁶⁷ Там же, с. 53

¹⁶⁸ Там же, с. 44.

В критике существуют самые разнообразные интерпретации образа Беликова. Так, Е.А. Ляцкий считает его больным, страдающим манией преследования, т.е. уникальным феноменом, лишенным типологических свойств¹⁶⁹. У Богдановича прямо противоположное мнение: Беликов – «это сама жизнь... это общественная сила, страшная своей неуязвимостью», он представляет собой общерусское, даже общечеловеческое явление¹⁷⁰. С точки зрения врача-психиатра М.П. Никитина, Беликов – душевнобольной человек, однако, люди типа Беликова существуют в обществе и оказывают влияние на его жизнь: «Считаясь вполне здоровыми людьми, такие «преследуемые преследователи» вносят в общество то большую, то меньшую долю вреда, и в этом смысле тип Беликова получает значительное общественное значение»¹⁷¹.

Даже после смерти Беликов не обретает свободы, наоборот, «когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет»¹⁷². Ирония Чехова сгущается до сарказма. Привыкшие к страху и футлярной жизни горожане также не получают свободы после его смерти: «Прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая»¹⁷³. В конце рассказа Иван Иванович еще более расширяет понятие «футляра», но это уже тема следующей главы.

Выводы

В заключение подведем предварительные итоги. В этом параграфе анализируются различные виды маниакальных состояний, каждое из которых имеет свой источник. Первые три рассказа написаны в ранний период творчества, сюжет их несложен. Маниакальные состояния порождаются социальной функцией персонажа, при этом мания опосредованно отражает абсурдные стороны общественной системы. Последние три рассказа представляют собой произведения зрелого периода. Круг причин,

---

¹⁶⁹ Ляцкий Е. А. А. П. Чехов и его рассказы// А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 466

¹⁷⁰ См. Богданович А. И. Критические заметки// А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 259-263

¹⁷¹ Никитин М. П. Чехов как изобразитель больной души// А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 612.

¹⁷² Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт. Т.10, с.52.

¹⁷³ Там же, с. 53.

порождающих психические аномалии, существенно расширяется, он связан с закономерностями функционирования социальной системы, жизни человечества в целом. Аномалия мира и личностные аномалии показаны в сложном взаимодействии. Более подробно этот вопрос будет рассматриваться в третьей главе.

В параграфе описано три типа маниакальности, встречающиеся в прозе Чехова: мания величия и мания преследования в двух разновидностях (те, кто преследует, и те, кого преследуют). В «Случаях “*mania grandiosa*”» изображены герои, страдающие манией величия, но уже здесь намечаются будущие типы мании преследования. В рассказе «Унтер Пришибеев» мания величия (я есть закон) сопровождается манией преследования: любое отступление от закона должно быть сурово наказано. Напротив, в «Смерти чиновника» психология самоуничтожения, характерная для «маленького человека», порождает психопатологический феномен преследуемого. В «Страхе» психопатология личности несколько иного рода, героя рассказа тоже можно отнести к категории преследуемых, но принципиальная разница заключается в том, что преследователь не персонифицирован. Это не человек, не социальная группа, даже не государство, а жизнь вообще в том виде, в каком она воспринимается Силиным. Наконец, в центральных персонажах рассказов «Крыжовник» и «Человек в футляре» соединяются все три типа маниакальности. Это наиболее сложный вид психических аномалий, но, возможно, и самый реальный, наиболее распространенный.

Несмотря на разницу в причинах, характере, форме проявлений маниакальности, герои, одержимые навязчивой идеей, имеют одно общее свойство: они больны, но окружающие воспринимают их как здоровых людей. В следующем параграфе будут анализироваться образы героев, страдающих психическими заболеваниями, которые развиваются в результате обостренной реакции на негативные стороны жизни.

2.3 Изображение душевной болезни как крайней формы проявления психопатологии личности

В данном параграфе будут рассмотрены три произведения: «Припадок» (1888),

«Палата № 6» (1892), «Черный монах» (1894). Следует отметить, что исследование болезни для Чехова не самоцель, главное для него - посредством анализа причин и последствий душевной болезни показать характеры, а также аномалии в отношениях между людьми, и шире – аномалии в жизни общества. Все три произведения достаточно большого объема («Палата № 6» и «Черный монах» - повести) являются поздними, зрелыми работами Чехова. Большой объем позволяет раскрыть психическое состояние героя более детально: выявить причины болезни, особенности ее течения, этапы и т.д. Не совсем обычная для того времени тематика вызвала широкое обсуждение в критике. При чем критики предлагали различные, иногда диаметрально противоположные интерпретации образов героев, что, в частности, будет проанализировано в данном параграфе.

2.3.1 Припадок

24 марта 1888 г. покончил жизнь самоубийством В. М. Гаршин. Чтобы почтить память писателя, возникла мысль об издании сборника «Памяти Гаршина», для которого Чехов специально написал рассказ «Припадок». Обещая редактору принять участие в сборнике, Чехов пишет: «Не дать рассказа – не хочется. ... таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним». В том же письме Чехов прямо указывает на то, что прообразом главного героя является сам Гаршин - «молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий...»¹⁷⁴. Именно в этом русле он и создает образ студента Васильева: «Кто-то из приятелей сказал однажды про Васильева, что он талантливый человек. ...у него особый талант – *человеческий*. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще»¹⁷⁵.

В конце 1889 г. Чехов закончил рассказ, к этому времени относится его замечание: «Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки»¹⁷⁶. Все это так, и все же, как уже говорилось, цель рассказа – показать человека тонкой душевной организации, каким был В.М. Гаршин, посредством создания подобного ему литературного типа. Кроме того, описание припадка позволяет

¹⁷⁴ Чехов А. П. ПСП в 12-ти тт., т.2, с. 331.

¹⁷⁵ Чехов А. П. ПСС в 18 ти тт., т. 7, с. 216-217.

¹⁷⁶ Чехов А. П. ПСП в 12-ти тт., т. 3, с. 68.

сравнить бурную эмоциональную реакцию Васильева, вызванную посещением публичного дома, с холодностью и равнодушием окружающих. В связи с этим основное внимание при анализе рассказа сосредоточено на психическом, эмоциональном состоянии персонажей, в том числе второстепенных и эпизодических. На основе этого анализа можно далее попытаться найти источник душевного расстройства Васильева, который, очевидно, связан не только с особенностями его психического склада, но и с состоянием общества.

В первой половине «Припадка» описывается, как Васильев первый раз в жизни попадает в дом терпимости. Раньше у него было несколько идеализированное представление о падших женщинах: Васильев считал, что эти женщины вынуждены продавать за деньги свою честь под давлением роковых обстоятельств; и хотя люди презирают этих женщин, все же для героя они «не теряют образа и подобия божия». По дороге в дом терпимости он воображает темные комнаты и узкие коридорчики, в которых непременно увидит «страдальческое лицо и виноватую улыбку». Восприятие проститутки и публичного дома, сложившееся в его сознании, безусловно, демонстрирует человечность Васильева. Для него всякий, независимо от социального статуса, – прежде всего человек, которого нужно уважать и любить. У каждого есть душа, поэтому даже публичная женщина может испытывать стыд, несмотря на свое позорное в глазах общества положение. А весь квартал, где находятся дома терпимости, в воображении студента - место, где собраны позор и мука, и поэтому, естественно, оно должно быть мрачным, погруженным во тьму.

Однако воображаемая картина отнюдь не совпадает с реальной. «Увидев два ряда домов с ярко освещенными окнами и с настежь открытыми дверями, услышав веселые звуки роялей и скрипок – звуки, которые вылетали из всех дверей и мешались в странную путаницу»¹⁷⁷, Васильев был ошеломлен. Дом терпимости, который должен, по его представлениям, располагаться в темном переулке, теперь явился перед ним в шуме и блеске, пестро украшенный, что составляло резкий контраст с сущностью этого места, казавшегося ему адом.

Больше всего поразили Васильева лица людей, служащих в доме терпимости. Глядя

---

¹⁷⁷ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 202.

на лакеев, музыкантов, проституток, герой пытается понять причины их падения, будучи убежденным в том, что они вынуждены работать здесь под давлением непреодолимых обстоятельств. Но он не находит ни тени смущения на лицах заспанного лакея или благообразного, модно одетого музыканта. А падшие женщины, которые, с точки зрения Васильева, должны постоянно испытывать чувство стыда, хорошо питаются, много спят, ярко накрашены. «На каждом лице он читал только тупое выражение обыденной, пошлой скуки и довольства. Глупые глаза, глупые улыбки, резкие, глупые голоса, наглые движения – и ничего больше»¹⁷⁸. Эти люди, словно не осознают своего унижительного положения, относятся к нему совершенно равнодушно. Эта картина формирует в душе героя другой, непонятный ему образ мира, гораздо более страшный, чем существовавший прежде в его воображении. «Если та виноватая женщина, которая отравилась, называлась падшею, то для всех этих, которые плясали теперь под звуковую путаницу и говорили длинные отвратительные фразы, трудно было подобрать подходящее название. Это были не погибающие, а уже погибшие»¹⁷⁹. Студенты переходят из одного дома в другой, а в душе Васильева изумление сменяется отвращением и, наконец, возникает тяжелая ненависть.

Реакция на ситуацию других людей резко контрастирует с реакцией Васильева. Как уже говорилось, для него это сильное эмоциональное потрясение, а на лицах извозчиков, прохожих герой замечает общее выражение равнодушия: «Извозчики сидели на козлах так же покойно и равнодушно, как и во всех переулках; по тротуарам шли такие же прохожие, как и на других улицах. Никто не торопился, никто не прятал в воротник своего лица, никто не покачивал укоризненно головой...»¹⁸⁰. В сознании Васильева возникает ассоциация с эпохой рабовладения, когда купля-продажа людей не только не осуждалась, но была повсеместно принятым и законодательно закрепленным актом: «Должно быть, во время оно на рабовладельческих рынках было так же весело и шумно и лица и походка людей выражали такое же равнодушие»¹⁸¹. Проститутки и рабы одинаково не свободны, к ним относятся не как к людям, а как к товару. С тех пор прошли тысячелетия – долгий путь духовного развития человечества, а эта улица осталась островком древней истории в самых темных, бесчеловечных ее проявлениях.

---

¹⁷⁸ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 209-210.

¹⁷⁹ Там же, с. 212.

¹⁸⁰ Там же, с. 203.

¹⁸¹ Там же.

Так называемые «культурные» люди приходят сюда, чтобы купить женское тело, игнорируя право человека быть человеком.

Среди посетителей домов терпимости офицер, седой господин, студент – люди разного возраста, социального статуса, это значит, что если есть деньги, то всем можно здесь развлекаться. Никому не стыдно, никто не хочет прятать свое лицо от других, все ведут себя так, будто это обычное развлечение, как игра в карты или посещение костюмированного бала. Поведение приятелей Васильева такое же, как и у других посетителей. В них он тоже не замечает ни малейшего смущения: они приходят, театрально раскланиваются, демонстрируя несерьезность и легкомысленное отношение к ситуации, а когда герой выражает свое возмущение и обвиняет гостей в бесчеловечности, они успокаивают его: «надо смотреть на вещи объективно»¹⁸², да, «мы, люди, убиваем взаимно друг друга. ...Это конечно, безнравственно, но философией тут не поможешь»¹⁸³. Эти «справедливые» слова служат для них самооправданием, что, однако, не означает, что они совсем не испытывают чувства вины. Оправдывая свое равнодушие тем, что проституция – неизбежное социальное зло, они скрывают стыд под легкой шуткой.

Больше половины рассказа посвящено восприятию Васильевым того, что происходит на улице и в приемных залах. Все, что он видит, мучительно для него, в то время, как у прохожих, извозчиков, проституток, лакеев, словом, у всех, кто его окружает, никаких эмоций, только холодность и равнодушие.

Именно это – реакция людей – наиболее страшное потрясение для молодого человека.

«Порок есть, ...но нет ни сознания вины, ни надежды на спасение»¹⁸⁴.

«Для него также ясно было, что все то, что называется человеческим достоинством, личностью, образом и подобием божьим, осквернено тут до основания, ...и что виноваты в этом не один только переулок да тупые женщины».¹⁸⁵

---

¹⁸² Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 209.

¹⁸³ Там же, с. 214.

¹⁸⁴ Там же, с. 212.

¹⁸⁵ Там же.

«Если проституция в самом деле такое зло, как принято думать, то эти мои милые приятели ...рабовладельцы, насильники и убийцы... Они теперь поют, хохочут, здраво рассуждают, но разве не они сейчас эксплуатировали голод, невежество и тупость?»¹⁸⁶

«Разве не ужасно? Убить вдвоем, втроем, впятером одну глупую, голодную женщину!»¹⁸⁷

Васильев приходит к выводу, что у большинства посетителей отсутствует осознание своей вины и что, следовательно, в том, что происходит, виноваты *все*, а не только содержатели и прислуга этих домов. Поведение друзей усиливает его эмоциональную реакцию и способствует возникновению припадка. Раньше он любовался приятелями, завидовал им – они здоровые, сильные, веселые, горячие и честные, иногда ему хотелось хоть один вечер пожить, как они, освободить себя от собственного контроля. Но теперь он увидел, что они могут приходить в дом терпимости и так же равнодушно, как другие, «убивать» человека. Если Васильев обладает талантом человечности, то окружающие его люди бесчеловечны, и таких, как они множество. Осознание всеобщности зла, жестокости мира в конце концов приводит к припадку.

Первый симптом припадка – страх. Ему страшно потемок, снега, фонарных огней, особенно ему страшны женщины. Можно сказать, что это страх перед миром: с того момента, как герой вошел в переулок, где располагались публичные дома, все, что он видел, противоречило его нравственным нормам. Если анализировать рассказ с точки зрения системы персонажей, то можно заметить, что Васильев противопоставлен всем остальным персонажам, то есть, нравственность героя противопоставлена всеобщей безнравственности. Страх появляется в результате осознания ненормальности нравственной нормы конкретных людей, потом аномалия расширяется, возникает убеждение, что и общество в целом не нормально, дальше под влиянием негативных впечатлений ему начинает казаться, что все в мире не нормально, и тогда его охватывает страх, начинается припадок.

---

¹⁸⁶ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 213.

¹⁸⁷ Там же, с. 214.

Он мучительно ищет ответа на вопрос: как решить проблему проституции? Сначала он собирается спасти какую-нибудь падшую женщину, женившись на ней, потом понимает, что спасать надо мужчин, теряющих душу, только тогда можно вырвать зло с корнем. Полубезумные мысли Васильева, не только еще раз подчеркивают его человечность, но вновь и вновь возвращают читателя к мысли о том, как слаба нравственность общества и, наоборот, как огромна в нем сила зла.

Следующий этап припадка – погружение в себя, мучительные переживания. В это время он страдает не только от безнравственности людей, но все вокруг одинаково сильно раздражает его нервы. Страдание так тяжело, что у Васильева появляется мысль о самоубийстве. В этой части рассказа особенно сильно чувствуется симпатия Чехова к Гаршину, который переживал подобные страдания.

Наконец, приятели приводят Васильева к психиатру. Врач долго задает герою разнообразные бессмысленные, с точки зрения Васильева, вопросы, чтобы выяснить истоки болезни. И все же ни врач, ни приятели не могут понять истинную причину припадка, об этом свидетельствует «равнодушный, сдержанный, холодный тон, каким его приятели и доктор говорили о женщинах и о несчастном переулке».¹⁸⁸ Психиатр лечит симптомы, а не болезнь, но это лечение в определенной мере помогает. Однако причина душевного расстройства коренится в жизни общества, поэтому когда Васильев говорит, что такие припадки случались и раньше, это не вызывает удивления читателей. Более того, можно предположить, что они повторятся и в будущем. Трагическим подтверждением тому служит судьба В.М. Гаршина.

Как обычно у Чехова, короткие, но эмоционально насыщенные пейзажи создают фон, созвучный настроению героя. Писатель Д. В. Григорович особенно хвалит изображение снега в «Припадке»: «Вечер с сумрачным небом, только что выпавшим и падающим мокрым снегом, - выбран необыкновенно счастливо; он служит как бы аккордом меланхолическому настроению, разлитому в повести, и поддерживает его от начала до конца».¹⁸⁹ Но поэтический образ снега в этом рассказе имеет и более сложное, символическое значение. В начале рассказа образ снега, белого, чистого, свежего,

---

¹⁸⁸ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 221.

¹⁸⁹ См. Там же, с. 662-663.

отражает приподнятое настроение Васильева, его внутреннюю чистоту и наивность; после бегства из дома терпимости он, глядя на снег, говорит: «И как может снег падать в этот переулоч!»¹⁹⁰ - подчеркивается резкий контраст белого с темным, добра со злом. Позже, во время припадка, когда весь мир со всем, что в нем есть, представляется ему пугающим, враждебным восприятие снега становится иным: снег, который хлопьями валит на землю, олицетворяет для него силу «зла» в мире, от которой невозможно скрыться.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что причиной припадка Васильева, помимо особенностей его психического склада, является зло, распространенное в обществе. В рассказе Васильев единственный противостоит ему, поэтому повествование от лица героя позволяет усилить впечатление от аномалии общества и от масштабов ее распространения.

2.3.2 Палата № 6

Повесть «Палата № 6» с момента ее публикации находилась в центре внимания критики. А. И. Эртель восторженно восклицал: «Какая мастерская и глубокая вещь "Палата № 6"!» А. М. Скабичевский, А. Огнев и многие другие критики считали ее одним из лучших произведений г. Чехова¹⁹¹. В данной работе основное внимание будет уделено двум главным героям: Громову и Рагину. В критике существуют разнообразные мнения относительно их психического состояния: некоторые считают их сумасшедшими, другие, напротив, совершенно здоровыми. Но кроме Громова и Рагина, в повести есть ряд персонажей как в палате, так и вне ее, анализ которых помогает понять основную коллизию произведения – соотношение нормы и аномалии в жизни человека и общества.

Громов, безусловно, психически болен, он «страдает манией преследования»¹⁹². Анализ причин сумасшествия, пожалуй, лучше начать с его характера. Громов добрый, порядочный, чуткий человек (эти черты напоминают о Васильеве из рассказа

¹⁹⁰ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 7, с. 212.

¹⁹¹ Там же. т. 8, с. 457-458.

¹⁹² Там же, с. 74.

«Припадок»)), при этом он раздражителен, мнителен и крайне категоричен: «В своих суждениях о людях он клал густые краски, только белую и черную, не признавая никаких оттенков»¹⁹³. В силу особенностей личности Громов острее реагирует на уродливые стороны действительности и одновременно гиперболизирует пороки людей и общества, что приводит к более сильному влиянию внешнего мира на его психику.

Мания преследования у Громова начинает развиваться после того, как с ним произошел, в общем, незначительный случай - с того дня, когда он увидел на улице арестантов. «Ему почему-то показалось, что его тоже могут заковать в кандалы и таким же образом вести по грязи в тюрьму».¹⁹⁴ Эта мысль преследует его изо дня в день и превращает жизнь в настоящий кошмар. Очевидно, что страх, подавляющий волю Громова, возникает от страха ареста. Поэтому ясно, что кроме слабой психики героя, его боязнь быть арестованным имеет социально-политические причины, коренящиеся в государственном устройстве, а именно: в репрессивной функции государства, в несправедливостях, совершающихся от имени государства. Когда общество привыкло использовать насилие, когда защита прав человека находится в руках равнодушных чиновников, трудно достичь справедливости. Поэтому попасть в тюрьму можно без всяких на то оснований даже, если никакой вины за человеком нет, а настоящие преступники могут свободно гулять на свободе, т.е. человек не защищен и, по сути, бесправен. При этом «всякое насилие встречается обществом как разумная и целесообразная необходимость».¹⁹⁵ Наступает момент, когда Громову кажется, «что насилие всего мира скопилось за его спиной и гонится за ним»¹⁹⁶. Таким образом, сумасшествие Громова вызвано как субъективными, так и объективными причинами – слабой психикой героя рассказа, с одной стороны, и государственным произволом – с другой.

В критике существуют различные интерпретации образа Громова, в том числе идеализирующие его, так, П. П. Перцов считает Громова псевдосумасшедшим, более того – альтруистом;¹⁹⁷ для А. Л. Волынского он подвижник, фанатик идеи¹⁹⁸. На самом

---

¹⁹³ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 8, с. 76.

¹⁹⁴ Там же, с. 77.

¹⁹⁵ Там же, с. 78.

¹⁹⁶ Там же, с. 80.

¹⁹⁷ См. Перцов П. П. Изъяны творчества // А.П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 208.

¹⁹⁸ См. Волынский А. Л. Литературные заметки//А.П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 216-229.

деле многие детали поведения свидетельствуют о том, что Громов действительно болен: он постоянно находится в напряженном состоянии, речь его беспорядочна, лихорадочна, похожа на бред, иногда он вдруг забывает, что хочет сказать или вдруг ему начинает казаться, что доктор шпион. Все это говорит о том, что поступки и слова Громова не контролируются разумом. Но все же его врожденная деликатность и начитанность не может целиком разрушиться манией преследования. О «подвижничестве» и «альтруизме» Громова Чехов почти ничего не сообщает. Правда, Громов часто помогает больным, которые содержатся с ним в одной палате, но в предыстории, до появления симптомов сумасшествия Чехов ни разу не упоминает ни о каких конкретных актах самопожертвования. Поэтому характеристика, данная Волынским и Перцовым, представляется не очень убедительной. Безусловно, Громов психически болен, и все же, несмотря на болезнь, задавленный страхом, запертый в палату № 6, он остается верен свои идеалам, что и привлекает к нему внимание доктора Рагина, другого главного героя повести.

У доктора «не хватает характера и веры в свое право», «приказывать, запрещать и настаивать он положительно не умеет»¹⁹⁹, его жизненная философия – примирение с действительностью. Если Громов не может терпеть безобразной действительности, то Рагин совершенно равнодушен к тому, что происходит вокруг него. Именно «равнодушие» и «отсутствие воли» доминируют в характере этого героя, на что указывали многие критики такие, как Скабичевский, Перцов, Никитин и другие²⁰⁰. Наиболее ярко его философия проявляется в отношении к больным и больнице: после того, как он принял должность, он ничего не сделал, чтобы исправить положение дел, облегчить страдания больных.

Философия Рагина есть оправдание его равнодушия: он считает, что предрассудки, житейские гадости и мерзости зачем-нибудь да нужны, надо просто ждать, когда они сами выветрятся, поэтому не стоит бороться с беспорядками в больнице, кроме того, «к чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец

---

¹⁹⁹ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 8, с.84.

²⁰⁰ См. Скабичевский А. М. Есть ли у г-на Чехова идеалы?// А.П. Чехов:PRO ET CONTRA с. 152-153; Перцов П. П. Изъяны творчества// А.П. Чехов:PRO ET CONTRA, с. 208; Никитин М. П. Чехов как изобразитель больной души// А.П. Чехов:PRO ET CONTRA, с. 609.

каждого?»²⁰¹ Когда же в процессе бесед с Громовым он осознает, что и сам принадлежит к «житейским гадостям», то спокойно объясняет: «в своей нечестности виноват не я, а время...»²⁰² На первый взгляд, Рагин оправдывается довольно убедительно, даже цитирует Диогена, Марка Аврелия, но, в конечном счете, его философия не что иное, как прикрытие собственной лени и безразличия к людям.²⁰³

В первой половине повести личность Рагина не претерпевает никаких изменений; жизнь его спокойна, монотонна. Однако постоянное общение с пациентом, непонятное и подозрительное для окружающих, в конце концов приводит к отставке, а затем его помещают в палату № 6. Как это нередко бывает у Чехова, случай (в этой повести общение с душевно больным, но нравственно чистым человеком) выталкивает героя из узкого мирка-футляра привычного существования (аналогичный процесс происходит, например, с Гуровым в «Даме с собачкой»). Как следствие этого по-новому воспринимаются привычные вещи; то, что прежде вызывало добродушную усмешку, теперь вызывает гнев. Его реакции становятся непонятными окружающим, убежденным, что все изменения, которые происходят с Рагиным, не что иное, как странности, а, следовательно, симптомы болезни. Искреннее участие этих людей только раздражает Рагина, чувствующего, что его воспринимают как больного, не желают, а на самом деле не могут понять истинных причин происходящих с ним перемен. Рагин и сам до конца не осознает, что отныне он и они живут в разных измерениях, где понятия нормы и аномалии не просто не совпадают, но диаметрально противоположны. Следует отметить, что мы не можем, даже имея в виду отношения Рагина и его окружения, говорить о столкновении этических норм, поскольку идеалы Громова, безусловно привлекательные для доктора, еще не стали частью его мировоззрения. И при всем том его помещение в палату для душевнобольных совершенно закономерно – инородное тело выталкивается из среды. Поразительная точность и внутренняя логика в построении сюжета проявляются и в финальном эпизоде. Тупая, бездушная сила, воплощенная в образе Никиты, обрушивается на самого Рагина, как прежде она обрушивалась на его пациентов. Можно софизмами отгородиться от чужого страдания, но от своего нельзя. Испытав боль и унижение, Рагин переживает сильнейшее потрясение, понимая наконец и чужое страдание; за этим следует неизбежный конец.

²⁰¹ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 8, с. 85.

²⁰² Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт, т. 8, с. 92-93.

²⁰³ См. Suchanek L. А. Чехов и философия встречи («Палата № 6»)// А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 325.

В критике существуют различные мнения относительно психического состояния Рагина. Одни, как например, А. М. Скабичевский, считают героя душевнобольным человеком и связывают его болезнь с отсутствием воли и алкоголизмом.²⁰⁴ Другие, напротив, высоко ценят Рагина, считают его мыслящим человеком, философом. А. Л. Волынский даже заявил, что смертный приговор, вынесенный Чеховым Рагину, отражает позицию писателя, считавшего якобы, что «России не нужны мыслители, посвящающие жизнь науке, философии».²⁰⁵ Первая точка зрения представляется несколько поверхностной, упрощенной, вторая вообще не выдерживает критики, поскольку текст произведения не дает никаких оснований рассматривать Рагина как философа и мыслителя. Его философия, несмотря на украшающие ее ссылки на античных авторов, носит вполне житейский характер и, в принципе, могла бы быть создана любым поверхностно начитанным обывателем, т.е. всяким, кому есть дело лишь до самого себя и для кого такая жизненная позиция вполне удобна. По сути дела, его философия есть проявление аномалии интеллекта, с одной стороны, а с другой – психологического прагматизма, поскольку позволяет ему избавиться от чувства вины, мирно сосуществовать с безобразием действительности.

Образы главных героев повести находятся в отношениях динамической оппозиции. Изначально они абсолютно противопоставлены, но в ходе развития сюжета намечается сближение как внешнее, так и внутреннее. Причем сближение идет в одном направлении – от Рагина к Громову. Последнего можно назвать константой этой оппозиции, поскольку ни в нем самом, ни вокруг него на протяжении повествования ничего не меняется. Напротив, личность доктора под влиянием разговоров с пациентом претерпевает существенные изменения; он все больше времени проводит в палате № 6, куда прежде никогда не заглядывал и которая, в конце концов, становится его последней предсмертной обителью.

Значительное место в повести занимают беседы, в ходе которых раскрывается как различие, так и сходство их характеров и мировоззрений. Главным противоречием в позициях собеседников является их точка зрения на страдание. Для доктора страдание,

---

²⁰⁴ См. Скабичевский А. М. Есть ли у г-на Чехова идеалы? // А.П. Чехов:PRO ET CONTRA, с. 152-153.

²⁰⁵ Волынский А. Л. А. Л. Литературные заметки//А.П. Чехов:PRO ET CONTRA, с.224.

мука, боль – нечто ничтожное, внешнее, и если сумеешь найти в себе удовлетворение и покой, то все внешнее мучительное исчезнет. При этом надо подчеркнуть, что доктор Рагин почти никогда не испытывал страданий, не сталкивался с несправедливостью. В детстве жил в благополучной семье; став врачом, вскоре пренебрег своими обязанностями, спрятался от чужой боли в уютном доме за книгой и пивом. В противоположность ему Громов почти всю жизнь испытывал страдания – и физические и нравственные, но, несмотря на тяжелую судьбу, а может быть, благодаря этому, не стал равнодушным, не сформировал в себе привычку к чужой боли. Это действительно два разных типа – человек с обостренным чувством несправедливости и человек, крайне равнодушный, живущий только для себя. Между прочим, эгоизм Рагина проявляется и в его отношении к Громову. Он многократно приходит к нему, но ничем не помогает, их беседы нужны Рагину для собственного удовольствия, он берет то, что хочет от другого, сам не давая взамен ничего.

В повести достаточно много второстепенных персонажей, которые делятся на две группы, отражающие противопоставление двух миров: палаты № 6 и внешнего мира. По законам этого мира для поддержания порядка человек, посягающий на порядок, должен изолироваться от общества. Так, Громов, одержимый манией преследования, ведет себя неадекватно, и поэтому попадает в палату для душевнобольных. Каким же образом попадает туда Рагин, так высоко ценящий человеческий разум?

На самом деле, между Громовым и Рагиным существуют не только противоречия, их многое объединяет: оба они интеллигенты, много читают, оба видят творящиеся в городе безобразия, оба считают себя выше других горожан. Эта черта объединяет их и одновременно отъединяет от остальных, поэтому, хотя у них абсолютно разное мировоззрение, они привлекают друг друга.

Как уже говорилось, по мере того, как Рагин сближается с Громовым, в глазах окружающих он становится похожим на душевнобольного, что определяет внутреннюю, психологически мотивированную логику развития сюжета. Внешний же алогизм ситуации, когда здорового человека, даже словом не посягающего на существующий порядок, объявляют психически больным, выполняет обобщающую функцию, намекая на атмосферу в обществе, где не терпят инакомыслящих. Намек на

это содержится уже в начале повести, когда Чехов указывает на сходство между палатой № 6 и тюрьмой: «Эти гвозди, обращенные остриями кверху, и забор, и самый флигель имеют тот особый унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек».²⁰⁶

Факт помещения здорового Рагина в палату № 6 заставляет сомневаться в разумности мира. Возникает парадокс: мир вне палаты скучен, пошл и жесток, но люди относятся к этому спокойно, пошлость – как бы естественная часть этого мира, хотя должна бы считаться аномалией. В то же время «ненормальные» Громов и Рагин оказываются единственными людьми, которые осознают безобразие внешнего мира. Для «разумных» людей Рагин слишком больной, а для палаты № 6 он слишком здоровый, кстати, и Громов иногда кажется сумасшедшим, а иногда совершенно нормальным человеком. В этой связи уместно процитировать А.М. Скабичевского, который очень точно подметил, что жизнь в этом городке «дошла до такой всеобщей нелепицы, что читатели положительно теряют сознание, кого в этой среде можно считать здоровыми, кого душевнобольными людьми».²⁰⁷ И опять, как и в предыдущем параграфе, анализ безумия героев упирается в безумие мира в целом. Исследованию этого феномена, как уже говорилось выше, будет посвящена III глава.

2.3.3 Черный монах

После «Палаты № 6» Чехов пишет еще одну повесть, затрагивающую тему психиатрии, – «Черный монах». В письме М. О. Меншикову он пишет: «Это рассказ медицинский, *historia morbid*. Трактуется в нем мания величия»²⁰⁸. Мания величия главного героя повести Коврина раскрывается в процессе его «бесед» с образом-галлюцинацией – черным монахом. Поэтому в данной работе образ «черного монаха» будет находиться в центре анализа: исследуются причины его появления, информация, которую он передает, сравнивается влияние черного монаха на Коврина на разных этапах болезни. Следует отметить, что в «Черном монахе» Чехов не отступает от реалистических принципов изображения действительности. В образе монаха нет ничего мистического, иррационального; с самого начала читателю ясно, что это галлюцинация

²⁰⁶ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 8, с. 72.

²⁰⁷ Скабичевский А.М. Есть ли у г-на Чехова идеалы?//А.П. Чехов:PRO ET CONTRA, С. 160

²⁰⁸ Чехов А. П. ПСП в 12-ти тт., т. 5, с. 262; *historia morbid* (лат.) – история болезни.

переутомившегося и, возможно, нездорового человека. Вопрос, почему галлюцинация приняла образ черного монаха, будет рассмотрен ниже.

В начале повести мы узнаем, что Коврин «утомился и расстроил себе нервы»,²⁰⁹ поэтому он решил поехать отдыхать в деревню к своему бывшему опекуну и воспитателю Песоцкому. Коврин страдает бессонницей, со временем он практически перестает спать, но, несмотря на это, чрезвычайно активен, находится в приподнятом настроении. В это время и появляется черный монах. После каждой встречи с ним Коврин чувствует необыкновенный подъем, их беседы доставляют ему огромное удовольствие. После выздоровления черный монах исчезает, Коврин становится вялым, ленивым, раздражительным, часто сердится по мелочам, что, в конце концов, разрушает семью. Во время последнего обострения болезни черный монах возвращается к нему, он снова счастлив и умирает с улыбкой. Развитие сюжета свидетельствует о том, что появление черного монаха и болезнь Коврина взаимосвязаны: черный монах появляется в периоды активной фазы заболевания и исчезает после лечения, в период ремиссии.

В повести даются различные объяснения, почему галлюцинация принимает образ черного монаха. Коврин утверждает, что историю о черном монахе где-то читал, но где не помнит. Музыка странного, мистического звучания вызывает у него воспоминания об этом образе. Наконец, ему снится, что черный монах – тысячелетнее привидение, которое скоро должно вернуться на землю, чтобы отметить избранных. Очевидно, что никакого определенного источника появления черного монаха Коврин не называет, этот образ, в основном, плод его больного воображения. Отчасти он и сам это понимает, поскольку во время одной из бесед черный монах говорит, что его придумал сам Коврин. Вероятно, под влиянием музыки и слышанной когда-то легенды Коврин создает свой образ монаха, вобравший его собственные мысли. Ковринский монах – мудрец и отшельник. Отсюда вытекает, что и сам Коврин в своих глазах мудрый, незаурядный человек, щедро одаренный способностями, что рождает в нем ощущение превосходства над другими людьми.

В беседах с монахом отражаются мировоззрение, характер, психическое состояние Коврина. Черный монах все время хвалит героя, уверяя его в том, что он «избранник

---

²⁰⁹ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 8, с. 226.

божий», гений, что он служит вечной правде, а его научная работа – божественна; даже болезнь Коврина свидетельствует о его подвижничестве, поскольку здоровье он принес в жертву науке. Слушая хвалебные речи монаха, Коврин говорит: «Странно, ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову»²¹⁰. Но поскольку черный монах – порождение больного сознания Коврина, то и мысли его являются, собственно, мыслями самого Коврина. Таким образом, эти «разговоры», по сути, представляют собой монолог Коврина, приобретающий в силу болезни форму диалога, а функцией черного монаха является отражение внутреннего мира героя, проявление его «мании величия».

В повести показаны частые и резкие изменения настроения героя. Когда монах находится рядом с Ковриным, т.е. когда болезнь обостряется, он почти не спит, находится в восторженном состоянии, испытывает огромное счастье от сознания своего величия, самолюбие его удовлетворено. Ему кажется, что усадьба насыщается чудесными запахами, любовью и красотой. После лечения исчезает черный монах, исчезает и мания величия, и тогда Коврин переживает шок: он обыкновенный, он никто. Для человека, которому «хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего»²¹¹, это действительно сильный удар. С этого момента Коврин испытывает душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью; общая атмосфера также резко меняется, семейное счастье разрушено. Отвращение Коврина к обычной жизни обычного человека так велико, а тоска по черному монаху, по вере в свою незаурядность так глубока, что болезнь возвращается, возвращается и ощущение иллюзорного счастья. Но сразу же вслед за этим наступает смерть. Что это? Расплата за отказ от простых радостей бытия, за маниакальное стремление каждую минуту утверждаться в своем величии? Или своего рода награда, окончательное освобождение от обыденности? Чехов не дает прямого ответа.

Врач-психиатр М.П. Никитин считает, что смысл образа Коврина – «горькая ирония писателя по отношению к действительности», в которой только душевнобольной человек может чувствовать себя счастливым.²¹² Ю.И. Айхенвальд подчеркивает, что Коврин тоскует по безумию, упрекает родных, что его вылечили, что поэтому исчезли

²¹⁰ Чехов А. П. ПСС в 18-ти тт., т. 8, с. 243.

²¹¹ Там же, т. 8, с. 238.

²¹² См. Никитин М. П. Чехов как изобразитель больной души//А. П. Чехов:PRO ET CONTRA. с. 608

для него экстаз и вдохновение, перестал к нему являться черный монах, перестал говорить ему дивные речи о том, что он гениален, что он бессмертен.²¹³ На самом деле болезнь Коврина похожа на защиту от действительности, от своих психических проблем, от раздражительности, от несправедливых отношений. После выздоровления он может адекватно воспринимать реальность, но реальный и идеальный миры для него несовместимы.

Некоторые критики считают, что смысл «Черного монаха» в изображении жизни полной радости, красоты и счастья, если она одухотворена высшей целью, подчинена служению великой идее.²¹⁴ Однако подобные суждения представляются сомнительными. Ведь Коврин болен, его вера в свою избранность иллюзорна. Есть критики, которые видят в «Черном монахе» воплощение «мечты о бессмертии», «мечты благородного безумия»,²¹⁵ даже смерть Коврина они называют «счастливой», поскольку его жизнь символизирует жертву истине, а его смерть – возвращение в рай. Чем собственно он жертвовал истине – неясно. Работал много? Так ведь не он один такой, кроме того, о работе Коврина мало что говорится, повесть посвящена не его научным трудам, а его душевному состоянию на разных этапах болезни. Порой встречаются и вовсе парадоксальные, ничем не обоснованные суждения, так, Д. Верн утверждает: «Художественно рефлексированное изображение кризисного духовного процесса очищения было для Чехова актом собственной терапии».²¹⁶ Из чего следует, что, работая над «Черным монахом» Чехов не создавал художественное произведение, а занимался самолечением от неведомой читателю болезни.

Нам же представляется, что образ черного монаха не есть символ святости, истины, он является отражением мыслей Коврина и средством изображения его мании величия. Вполне вероятно, что в «Черном монахе» Чехов не только стремился дать точное описание психического расстройства, но и иронизировал над современным ему интеллигентом: «мысли Коврина – своего рода религия интеллигенции нового времени,

---

²¹³ См. Айхенвальд Ю. И. Чехов// А. П. Чехов: PRO ET CONTRA, с. 747

²¹⁴ Vajnberg I.I. Повесть Чехова: «Черный монах» как художественный эксперимент (к истории интерпретации)//Čechov Anton P. – Philosophie und Religion in Leben und Werk (Материалы Международные чеховского симпозиума. Баден-вайлер, 20-24 октября, 1994 г.). München: VERLAG OTTO SAGNER, 1997. , с.486.

²¹⁵ Измайлов А. А. Вера или неверие (Религия Чехова), с. 895.

²¹⁶ Цит. по: M. Mikulasek «Черный монах» А. П. Чехова – энигма человеческой метаморфозы?// Philosophie und Religion in Leben und Werk. с. 495

полагающая смысл жизни в наслаждении познанием», в «культе способностей, таланта, гения, особенно расцветшем на рубеже веков»²¹⁷. Многие интеллигенты того времени, подобно Коврину, только и делали, что читали книги и ожидали успеха, и если, в конце концов, ничего не получалось, они становились вялыми, бездеятельными. Не исключено, что в представлении Чехова многие интеллигенты страдали такой же манией величия, как Коврин, и в их душах жил свой черный монах. Коврин умирает в луже своей крови, хотя в повести говорится, что его болезнь не опасна. Вероятно, смысл финального эпизода таков: подобные люди не имеют будущего. Таким образом, можно сделать вывод, что в «Черном монахе» заложен и социальный смысл – отражение общих недостатков большинства интеллигентов того времени, и шире – аномалий общества.

Выводы

В трех произведениях, проанализированных в данном параграфе, герои являются психически больными людьми. Будучи врачом, Чехов обладал медицинским опытом и мог точно воспроизвести историю болезни. Герои трех произведений страдают либо приступами глубокой депрессии, либо манией преследования, либо манией величия. Все произведения созданы в зрелый период творчества, когда Чехов уже не был ограничен определенным объемом, можно было изображать процесс болезни более детально и полно. Но, конечно, писатель не просто изображает болезнь, а говорит о необходимости гуманного, сострадательного отношения к человеку и одновременно указывает на аномалии общества, способные привести к психическим расстройствам.

Васильев в «Припадке» вызывает симпатию читателей, именно к этому стремился Чехов, когда начал писать этот рассказ. Герой, обладающий талантом человечности, мучается, видя уродливые стороны действительности. В этом рассказе необычный социальный фон – квартал публичных домов, куда приходит студент со своими друзьями и где его поражает обыденность происходящего. Но главное, чего Васильев не может принять, что вызывает у него страстный протест – это отношение окружающих к трагедии человеческой жизни. Холодность людей составляет резкий

---

²¹⁷ Линков В. Я. Проблема истинной и ложной веры у Чехова// Philosophie und Religion in Leben und Werk. с. 471.

контраст со страстной гуманностью Васильева. Внимательное прочтение рассказа, таким образом, позволяет понять, что мысль, заложенная в нем, намного глубже и серьезнее, чем просто изображение психического состояния Васильева: речь идет об аномалии общества, где большинство равнодушно к чужому горю.

Герой «Палаты № 6» Громов, как и Васильев, тонкий, чуткий, легкоранимый человек. Но его болезнь – мания преследования - имеет другие корни, в ней отражена социально-политическая атмосфера, господствовавшая в обществе. Преувеличенный страх перед репрессией перерастает у Громова в убеждение, что он непременно будет арестован и посажен в тюрьму. Доктор Рагин в начале представляет тип нравственно-психологической аномалии, характерный для общества в целом: равнодушие, отсутствие воли, примирение с действительностью - таких людей немало. Тот факт, что Рагин попадает в палату для душевнобольных, свидетельствует о том, что в этом обществе практически невозможно отличить норму от аномалии. В палате или вне ее все по-своему ненормальны.

В последнем произведении «Черном монахе» мы опять встречаемся со случаем мании величия. Здесь в отличие от предыдущих произведений, Чехов изображает процесс болезни: причины ее вызвавшие, характер протекания, временное выздоровление и смерть. Мания величия проявляется через галлюцинацию – фантастический образ черного монаха и отражает распространенную в то время в среде интеллигенции проблему: они больше мечтают, чем делают, не переносят обыденности и пытаются бежать от нее хотя бы в галлюцинацию, в безумие.

Несмотря на то, что все три произведения очень разные, мы все же можем найти в них нечто общее: в каждом из них отмечается безобразие действительности и равнодушие, холодность большинства людей. Поэтому когда мы анализируем причины психических заболеваний главных героев, мы одновременно видим и аномалии окружающих их людей. А поскольку эти люди составляют подавляющее большинство, можно говорить об аномалии общества в целом.

